

УДК 930.1-930.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-20-29

Пенская Т. М.

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ
МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой размышления над особенностями формирования негативной оценки «московского» периода русской истории в отечественной исторической и философской традиции. Возникновение и дальнейшее закрепление и в профессиональном сообществе, и в общественном мнении негативного образа Московского государства и его институтов автор связывает, с одной стороны, с недостатками исторической методологии, свойственной русской исторической школе, а с другой – с доминированием в российском общественном сознании либерального «дискурса». Его требования предопределили особенности подхода к анализу источников, при изучении которых на первый план выдвигались нарративные с их четко выраженным субъективизмом в оценках. Этот субъективизм способствовал формированию и закреплению в историографии отрицательного образа Московии и московского общества. Лишь в последние десятилетия наметился определенный поворот к более взвешенному освещению этой страницы русской истории. Этот новый «дискурс» основан на более тщательном анализе документальных памятников и лишь потом – нарративных.

Ключевые слова: Россия; позднее Средневековье; раннее Новое время; дискурс; методология истории; исторические стереотипы; российская историография; Н.А. Бердяев; В.О. Ключевский.

T. M. Penskaya

**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN HISTORICAL
ASSESSMENT OF THE MOSCOW PERIOD
OF RUSSIAN HISTORY**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The article is a reflection on the features of the formation of a negative assessment of the "Moscow" period of Russian history in the domestic historical and philosophical tradition. The author associates the emergence and further consolidation in both the professional community and the public opinion of the negative image of the Moscow state and its institutions with the shortcomings in methodology inherent in the Russian historical school. Another reason for this phenomenon is associated with the dominance of liberal "discourse" in the Russian public opinion. Its requirements predetermined the specifics of the approach to the analysis of various sources. Narrative sources with their clearly expressed subjectivism in the assessments came to the fore. This subjectivism contributed to the formation and consolidation of the negative image of Muscovy and Moscow society in the historiography. Only in recent decades there has been a definite turn towards a more balanced coverage of this page of the

Russian history. The new "discourse" is based on a detailed study of mainly documentary sources and in the second place – on the study of narrative sources.

Keywords: Russia; later Middle Ages; early New Age; discourse; methodology of history; historical stereotypes; Russian historiography; Nikolay A. Berdyaev; Vasily O. Klyuchevsky.

В 1946 г. увидел свет очередной философскийopus Н.А. Бердяева под претенциозным названием «Русская идея», в котором он поделился со своими читателями размышлениями о России, русском народе и их исторической судьбе через призму развития русской мысли от эпохи позднего Средневековья до XX века.

У Н.А. Бердяева «московский» период русской истории (позднее Средневековье – раннее Новое время) – эпоха, описываемая им исключительно в негативных тонах. История России для него вообще имеет характер «прерывистый» и «катастрофический», но, пожалуй, именно для «московского» периода у него не нашлось ни одного доброго слова. «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу», «Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость», «тоталитарный режим Московского царства» («тоталитарный» – эпитет, весьма актуально звучавший в 1946 г. и ставивший на Московскую Русь неизгладимую печать. – *Т.П.*), «исчезновение святых князей после перенесения греховной власти на великих князей московских», «оскудение святости в Московском царстве», «Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю» – негативная бердяевская оценка «московского» периода русской истории более чем очевидна, и не стоит после всего этого удивляться, когда он пишет о том, что де «по недоразумению его («московский» период истории России – *Т.П.*) идеализировали свободолюбивые славянофилы» [5].

С тех пор, как известным русским философом были написаны эти строки, прошло семьдесят с лишком лет. Однако оценка «московского» периода русской истории в массовом общественном сознании,

пожалуй, остается столь же негативной, как и тогда, и раньше, когда русской исторической школой второй половины XIX – начала XX вв. вырабатывалась шаг за шагом негативная оценка той эпохи, воспринятая Бердяевым.

Как же так получилось? В чем причина столь любопытного и вместе с тем странного явления? Почему странного – да потому, что была и иная точка зрения. Несколькими строками выше мы уже отмечали, что для Н.А. Бердяева была очевидной высокая оценка славянофилами «московского» периода русской истории (среди которых, кстати, не было значимых историков). Заметим, что их, славянофилов, точка зрения складывалась еще до того, как в научный оборот был введен основной массив источников по русской истории позднего Средневековья – раннего Нового времени (причем, подчеркнем это особенно – не нарративных источников, но документальных). Следовательно, можно было бы предположить, что с расширением источниковой базы стало бы возможно подойти к оценке внутреннего устройства Московского государства, к характеристике его политического режима, административных, правовых и иных подобных институтов более взвешенно и объективно, *sine ira et studio*.

Увы, эти материалы оказались использованы русскими историками конца XIX – начала XX вв., без преувеличения, бездарно. Отрицательные стереотипы, своего рода «черная легенда», которая сформировалась в первую очередь в западноевропейской *Rossica*, были только закреплены и обрели характер аксиомы. И Бердяев, не будучи профессиональным историком, пошел на поводу у сформировавшегося в русском историческом сообществе негатива.

Так почему же так вышло? Ведь еще В.О. Ключевский отмечал в свое время, что «нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия – она многое обработала». Однако, воздав должное трудолюбию отечественных историков, далее он продолжал: «Я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала» [14, с. 5]. И перечисляя наиболее значимые на тот момент, по его мнению, недостатки отечественной исторической науки, он указывал, к примеру, на «слабость ответственности» со стороны исследователей. Она проявлялась в том, что русские историки «не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуют себя достаточно обязанными глубоко разрабатывать ее, вообще наклонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений» [14, с. 6].

Эти строки были написаны в 1884/1885 гг., но спустя сто и больше лет воз, по большому счету, остался на прежнем месте. Историк Е.С. Корчмина, характеризуя состояние исследований в сфере ее научных интересов, отмечала, что «обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное (курсив мой. – Т.П.). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым еще предстоит дать ответ...» [16, с. 78]. И хотя сказано это было по частному вопросу, однако же, эти слова могут быть отнесены и ко многим другим проблемам отечественной истории – в том числе и к истории России «московского» периода. Нетрудно заметить, что проблема, обозначенная Ключевским, не решена и спустя сто с лишком лет – стремление к теоретическим обобщениям явно опережает темпы накопления эмпирического материала.

Однако применительно к нашему периоду можно возразить – в определенном смысле, есть некий предел накопления эмпирического опыта, ибо не секрет, что сохранность документальной базы по русской истории «московского» периода, в особенности до-смутного времени, крайне недостаточна. Да, это так, но вместе с тем и на это возражение есть контрдовод. Известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич как-то отмечал, что «историк находит в изучаемых им источниках, собственно, лишь то, о чем их вопрошает» [9]. Итак, историк подходит к документу с заранее сформированным «опросником» и, «спрашивая» источник, получает от него тот ответ, который следует из заданного вопроса – как известно, правильно сформулированный вопрос есть половина ответа.

Но каким образом историк формулирует свой «опросник», какие факторы оказывают на него влияние в ходе этого чрезвычайно важного процесса? Ответ на этот вопрос представляется достаточно простым – в первую очередь, это та среда, в которой он формировался как личность, как профессионал, как исследователь. И пресловутый «мейнстрим» здесь играет отнюдь не последнюю, если не первостепенную, роль, определяя во многом и тематику исследований, и их направленность, и акценты, расставляемые в ходе исследований, и многое, многое другое. Немногие способны на то, чтобы попытаться пойти наперекор «мейнстриму». Говоря же о «мейнстриме», который определял развитие русского исторического сообщества, мы осмелимся высказать тезис – начиная со времен Карамзина и его «Истории государства Российского», определяющее воздействие на его, русского исторического «мейнстрима», эволюцию оказывал, условно говоря, «либеральный» дискурс (и его наиболее радикальное ответвление – «тираноборческое»). Трагедия русской интеллигенции (а историки – ее неотъемлемая часть) заключалась в том (и об этом говорили и писали многие и в самой России, и за ее пределами – да хоть и

тот же Бердяев), что она практически всегда находилась (и продолжает находиться), в большей или меньшей степени, в оппозиции по отношению к власти.

Эта оппозиционность в условиях взаимного непонимания власти и либеральной оппозиции, неготовности сторон к диалогу и поиску взаимоприемлемого компромисса неизбежно вела к тому, что применительно к тематике исторических исследований выбираемые сюжеты неизбежно рассматривались и анализировались под вполне определенным, заранее заданным углом зрения, с соответствующей расстановкой акцентов. Но иначе и быть не могло, ибо «мейнстримный» либерально-тираноборческий «дискурс» диктовал и соответствующий «опросник», с которым историк подходил к источнику, и предопределял характер получаемых выводов. А если к этому добавить еще и недостатки самого исторического метода, свойственного русской исторической науке, столь ярко описанные В.О. Ключевским (и от которого она не избавилась, как показано выше, и по сей день), то удивляться результатам не приходится.

В самом деле, при таковой заданности и «потребительском» отношении к источникам мнение, предположим, того же С. Герберштейна о тираническом характере власти московского государя («властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира» и «всех одинаково гнетет он жестоким рабством» [8, с. 72]) превращалось в доказанное положение, в истину в последней инстанции. Эта истина не нуждалась в дополнительных обоснованиях и, подкрепленная весомыми мнениями авторитетов, воспринималась как реальность. И неважно, что тезис о деспотическом характере власти московского государя был позаимствован из нарративного памятника, субъективный характер которого не вызывал сомнения. Никто не задумался над тем, что Герберштейн (сознательно или по неведению, не разобравшись в хитросплетениях московской политики – это уже другой вопрос) принял за чистую монету декларации

официальной московской пропаганды, превозносившей и возвеличивавшей своего государя (и эта пропаганда служила, как отмечала американская исследовательница Н. Коллманн, дополнительным средством укрепления легитимности правящей династии [15, с. 20]), ибо выдвинутый им тезис прекрасно укладывался в пресловутый либеральный «дискурс».

Как этот либеральный «дискурс», исходивший из деспотической природы власти московских государей, сочетался с тем, что, по словам той же Н. Коллманн, «централизованная структура управления не становилась неподъемным бременем для общества», поскольку «государство ставило перед собой минимальные задачи, сводившиеся к военным вопросам, сбору налогов, мобилизации ресурсов и верховной юрисдикции», совершенно непонятно. Ведь при слабом развитии «жил власти» (термин Н. Коллманн) государство «нуждалось в сотрудничестве сообщества, чтобы заполнить штатами хотя бы в минимальной степени структуру централизованного управления» и, как следствие, «местное население “выбирало” из своей среды людей для службы губными старостами, целовальниками, приставами, тюремными сторожами, палачами, головами в кабацком деле и других государственных монополиях», «все годные мужчины собирались в отряды, преследовавшие преступников», а «крестьянские волости, посадские общины, частновладельческие и монастырские вотчины своими силами решали все вопросы местного управления, за исключением уголовных и более серьезных дел» [15, с. 523]. И ведь всё то, о чем пишет Коллманн, было, в принципе, очевидно еще во второй половине XIX в., ибо, как уже было отмечено выше, основной массив сохранившихся актовых материалов конца XV–XVI вв. был к тому времени опубликован. Для этого нужно было только не торопиться с далеко идущими выводами и глобальными обобщениями, а вдумчиво, непредвзято проанализировать пусть и немногочисленный, но, тем не менее, красноречивый актовый материал. Но

сделано это не было, усилия большей части профессионального исторического сообщества были направлены на формирование иной, негативной точки зрения. А славянофилы, подчеркнем это еще раз, не имея в своем распоряжении этой источниковой базы, тем не менее сумели заметить эти особенности политического устройства Русского государства. Сработал принцип «позиции внаходимости»?

В то время методики работы с источниками были еще не отработаны в должной степени, и ошибки, подобные этой, были неизбежны. Однако и потом, спустя полстолетия и даже больше, допущенная aberrация не была исправлена. Возьмем, к примеру, С.Б. Веселовского, одного из крупнейших отечественных историков и признанного знатока истории XVI в. Критикуя Ивана Грозного и отказывая ему в наличии сколько-нибудь серьезных государственных талантов, он обосновывал свой тезис тем, что после роспуска так называемой «Избранной Рады» «до самых последних лет его (Ивана – Т.П.) сколько-нибудь значительных реформ не было» [7, с. 147]. Тем не менее, зададимся вопросом – а, быть может, осуществленные в конце 30–50-х гг. XVI в. «реформы» (начатые вовсе не при «Избранной Раде», если таковая вообще существовала, о чем в свое время писал А.И. Филюшкин, а задолго до нее, еще «правительством» Елены Глинской) достигли своей цели и привели к созданию достаточно действенной и эффективной государственной машины, основанной на взаимодействии и сотрудничестве верховной власти и «земли»? И если эта машина была эффективной и позволяла Ивану Грозному на протяжении двух десятилетий вести тяжелую и разорительную войну на два фронта – стоило ли в таком случае что-либо менять только ради того, чтобы заслужить «похвалу» позднейших историков? Высканное нами предположение представляется более обоснованным, нежели гиперкритическая точка зрения маститого историка.

Другой, еще более показательный пример – рассуждения другого известного историка А.А. Зимина о «витязе на распутье». «Н.Е. Носов высказал плодотворную мысль о том, – писал он, – что в конце XV – первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны. Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому?». И, в развитие этой мысли, продолжал: «Крепостнической, крестьянской и монашеской Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян». Победа Москвы в этом противостоянии и «гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода» и ни много ни мало, а «кровавое зарево опричнины», «ярмо крепостного права» и т.п. [10, с. 209-210]. И эти строки были написаны историком, который по праву считается одним из ведущих специалистов по истории России «московского» периода!

Вообще, любопытно наблюдать за тем, как, анализируя одни и те же тексты, историки разных школ и направлений, придерживающиеся разных «дискурсов», приходят к разным, порой противоположным результатам. Достаточно сравнить приведенные выше построения А.А. Зимина (выдержанные, кстати, во вполне традиционном для советской историографии духе, почему говорить об отказе позднего Зимина от марксистской парадигмы представляется несколько преждевременным) и его позднейших единомышленников относительно «московского деспотизма», который они видят уже в первой половине XV в., и тезисы, которые лежат в основе нового «дискурса», который вырабатывается и за рубежом, и в самой современной России.

Говоря о новом «дискурсе», мы имеем в виду своего рода поворот к более взвешенному и в определенном смысле комплементарному подходу к оценке «московского» периода, в чем-то схожему с точкой зрения славянофилов, – подходу, который

наметился пару десятилетий назад в зарубежной историографии.

Несколько лет назад отечественный исследователь М.М. Кром в предисловии к работе американского историка В. Кивельсон «Картография царства: земля и ее значение в России XVII века» отмечал, что суть предложенной ею в 1996 г. в работе «Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century» оригинальной концепции ранне-модерной русской монархии заключалась в том, что она, «подобно другим европейским государствам начала Нового времени, нуждалась в поддержке и содействии различных групп населения (курсив мой. – Т.П.), находивших в рамках существующей правовой и политической системы возможности для защиты своих прав и интересов...» [13, с. 9, 10].

Этот новый «дискурс», основанный на более глубокой и тщательной проработке и анализе документальных, а не нарративных, памятников эпохи, де-факто означал, что В. Кивельсон и ее последователи (такие, как, например, американский же историк Н. Коллманн и ряд других зарубежных исследователей) применили к русской действительности концепцию так называемого «composite state», предложенную британскими историками Г. Кенигсбергером и Дж. Эллиотом [см.: 20; 24], поставив Московию в один ряд с другими ранне-модерными государствами – соседями России. В такого рода «поскутном» государстве верховная власть была вынуждена взаимодействовать с местными сообществами и элитами (составлявшими «политическую нацию»), передоверяя им часть властных полномочий, в особенности в фискальной сфере и вопросах поддержания правопорядка и осуществления правосудия. «Composite state» по определению не могло быть деспотическим, поскольку являлось результатом своего рода компромисса между правящей верхушкой и провинциальными элитами и сообществами, а также продуктом долгого эволюционного процесса «притирки» интересов верховной власти и «политической нации».

Что самое интересное – этот новый взгляд формируется не у нас, не в России, не отечественными историками и школами, но в первую очередь за рубежом. Сработал ли здесь принцип «позиции внаходимости», о котором говорил А.Я. Гуревич, или что-то иное – не суть важно, важно, что новый взгляд был сформулирован, введен в научный оборот и стал предметом обсуждения и дискуссий – опять же за рубежом в первую очередь (см., например, дискуссию на страницах журнала «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History» в 2002 г. [см.: 21; 23; 25]). А ведь еще в 1991 г., характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во второй половине XV–XVI вв., академик Н.Н. Покровский писал в предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексева, что «власть эта (Ивана III и его преемников – Т.П.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-“города” и пр. – Т.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» [1, с. 5-6].

Увы, нет пророка в своем Отечестве, и этот интересный, необычный и вместе с тем перспективный тезис остался незамеченным. Впрочем, этого и стоило ожидать, учитывая время, когда он был высказан. Точно так же остался незамеченным и другой тезис, точнее, концепция, которая десятилетие спустя была сформулирована Ю.Г. Алексеевым. По его мнению, Россий-

ское государство, которое возникло во второй половине XV в., «можно назвать земско-служилым – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья... Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т.е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом... В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье (здесь мы все же не согласимся с мнением авторитетного историка, поскольку отсутствие некоей «великой хартии вольностей» между государем и его подданными вовсе не означает отсутствия «договора» вообще, хотя бы и в неписанной форме, в форме традиции, обычая, «старинны», которые сами по себе имели силу закона, и закона нерушимого, непреложного. – Т.П.). Отсутствие договорных отношений было не проявлением “бесправия”, “восточного деспотизма”, а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования...» [2, с. 431-433].

Лишь в последние годы дело как будто постепенно сдвинулось с мертвой точки и появился ряд любопытных исследований, в

которых подвергаются сомнению традиционные, устоявшиеся стереотипы восприятия Московского царства. Достаточно упомянуть работы таких историков, как В.А. Аракчеев, М.М. Бенцианов, В.В. Бovyкин, М.М. Кром, А.И. Филюшкин и другие [см.: 3; 4; 17; 18].

Тем не менее, хотя определенные подвижки налицо, «великий стереотип» остается в силе и продолжает господствовать в массовом общественном сознании, «подпитываемый» и историками, и журналистами. Достаточно, к примеру, просмотреть соответствующие разделы в коллективном труде И.В. Карацубы, И.В. Курукина и Н.П. Соколова [12] или теорию «самодержавной революции» 60-х гг. XVI в., которую развивает А.Л. Янов [19], не говоря уже о подготовленном Вольным Историческим обществом в начале 2017 г. докладе с претенциозным и более чем двусмысленным названием «Какое прошлое нужно будущему России» [11]. Это желание «переписать» историю в нужном ракурсе (и неважно, с чьей стороны оно происходит), даже и с благими целями, не может не внушать опасений. Остается надеяться, что российское историческое сообщество всё же сумеет учесть ошибки прошлого и избежать очередного соблазна поспешить с далеко идущими выводами и обобщениями, основанными на предвзятых и субъективных оценочных суждениях.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 447 с.
3. Аракчеев, В.А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

4. Бенцианов, М.М. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. (Проблемы истории России. Вып. 3). С. 241-277.

5. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. [Электронный ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berdrusidea.htm#glava1> (дата обращения: 16.12.2017).

6. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.

7. Веселовский, С.Б. Московское государство XV–XVII вв. М.: АИРО-XXI, 2008. 384 с.

8. Герберштейн, С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.

9. Гуревич, А.Я. История в человеческом измерении (размышления медиевиста) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения: 17.12.2017).

10. Зимин, А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.

11. Какое прошлое нужно будущему России Доклад Вольного Исторического общества (подготовлен при поддержке Комитета гражданских инициатив). [Электронный ресурс] URL: <https://komitetgi.ru/service/Сборка.pdf> (дата обращения: 17.12.2017).

12. Карацуба, И.В., Курукин, И.В., Соколов, Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.

13. Кивельсон, В. Картография царства: земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

14. Ключевский, В.О. Методология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. МШ. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 5-94.

15. Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 610 с.

16. Корчмина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77-91.

17. Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

18. Филюшкин, А.И. Московская неонаральная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5-20.

19. Янов, А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе происхождения русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

20. Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. 1992. Pp. 48-71.

21. Halperin, C.J. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 3. No. 3 (New Series). 2002. Pp. 501-507.

22. Kivelson, V.A. Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford. Stanford University Press. 1996. 396 p.

23. Kivelson, V. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Vol. 3. No. 3. Summer 2002 (New Series). Pp. 487-499.

24. Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. No. 2. Pp. 191-217.

25. Poe, M. The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 3. No. 3 (New Series). 2002. Pp. 473-486.

References

1. Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar' vseja Rusi* [The Emperor of all Russia], Nauka, Novosibirsk, Russia. (in Russ.)

2. Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [The court book by Ivan III. Tradition and reform], Dmitriy Bulanin, St.Petersburg, Russia. (in Russ.)

3. Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast' i "zemlya". Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglyh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [The power and "ground". Government policy in respect of taxpaying estates in Russia in the second half of the XVI – early XVII centuries], Drevlehranilische, Moscow, Russia. (in Russ.)

4. Bentsianov, M. M. (2000), The Knights "Novgorodskie landowners". The Serving Corporation in Novgorod in the late XV – mid-XVI centuries (in Russ.), *Novgorod Russia: historical space and cultural heritage. Ekaterinburg: Bank of cultural information* (Problemy istorii Rossii. Tom 3) [Problems of Russian history. Vol. 3], 241-277.
5. Berdyaev N. A. (1990), *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachyala XX veka* [Russian idea. The main problems of the Russian thought of the XIX century and early XX century] (in Russ.), available at: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berdrusidea.htm#glava1> (date of access: October 16, 2017).
6. Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Local government in the Russian state in the XVI century], Dmitriy Bulanin, St.Petersburg, Russia. (in Russ.)
7. Veselovskiy, S. B. (2008), *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vekov* [Moscow state of the XV-XVII centuries], AIRO-XXI, Moscow, Russia. (in Russ.)
8. Herberstein, S. (1988), *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs], MSU, Moscow, Russia. (in Russ.)
9. Gurevich, A. Ya. (2005), History in the human dimension (reflections of a Medievalist) (in Russ.), *New Literary Observer*, 75, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (date of access: October 17, 2017).
10. Zimin, A. A. (1991), *Vityaz' na rasput'e* [A knight at the crossroads], Mysl', Moscow, Russia. (in Russ.)
11. *Kakoe proshloe nuzhno buduschemu Rossii. Doklad Vol'nogo Istoricheskogo obshchestva* [What background is necessary for the future of Russia. Report of the Free Historical society] (in Russ.), available at: <https://komitetgi.ru/service/Сборка.pdf> (date of access: October 17, 2017).
12. Karatsuba, I. V., Kurakin, I. V. and Sokolov, N. P. (2005), *Vybiraya svoyu istoriyu. "Razvilki" na puti Rossii: ot Ryurikovichej do oligarhov* [Choosing your story. "Branching" on the way of Russia: from Rurik to oligarchs], KoLibri, Moscow, Russia. (in Russ.)
13. Kivelson, V. (2012), *Kartografiya carstva: zemlya i ee znachenie v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: the land and its value in Russia of the XVII century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)
14. Klyuchevskiy, V. O. (1989), Methodology of Russian history (in Russ.), *Klyuchevskiy, V. O. Sochineniya v devyati tomah. T. VIII. Special'nye kursy* [Klyuchevskiy, V. O. Works in nine volumes. Vol. VIII Special courses], Mysl', Moscow, Russia, 5-94.
15. Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in Russia of the early Modern time], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)
16. Korchmina, E. S. (2013), "Many millions of the public Treasury are in the dark" arrears of poll tax in 1720-1760 years (in Russ.), *Rossiyskaya Istoriya*, 5, 77-91.
17. Krom, M. M. (2010), *"Vdovstvstvuyuschee carstvo": politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka* ["Widowhood Kingdom": the political crisis in Russia in 30-40-s of the XVI century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (in Russ.)
18. Filushkin, A. I. (2009), Neonatal Moscow Empire: the question of the categories of political practice (in Russ.), *Vestnik of Saint Petersburg University (History)*, 2, 5-20.
19. Yanov, A. L. (2001), *Rossiya: u istokov tragedii. 1462-1584. Zametki o prirode proishozhdeniya russkoj gosudarstvennosti* [Russia: at the origins of the tragedy. 1462-1584. Notes on the nature of the origin of the Russian statehood], *Progress-Traditsiya*, Moscow, Russia. (in Russ.)
20. Elliott, J. H. (1992), A Europe of Composite Monarchies, *Past & Present*, 137, The Cultural and Political Construction of Europe, 48-71.
21. Halperin, C. J. (2002), Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, (3), (New Series), 501-507.
22. Kivelson, V. A. (1996), *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*, Stanford University Press, Stanford, USA.
23. Kivelson, V. (2002), On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, (3), 487-499.
24. Koenigsberger, H. G. (1978), Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale, *Theory and Society*, 5, (2), 191-217.
25. Poe, M. (2002), The Truth about Muscovy, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, (3), (New Series), 473-486.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana M. Penskaya, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Socio-Theological Faculty, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, penskaya@bsu.edu.ru